

Окончание. Начало на стр. 01

Я никогда не был близко знаком с Александром Бовиным. Но всерьез считаю его своим учителем.

Помню, как в первый раз увидел Бовина на экране. Необычного вида толстяк с пышными, лихо подкрученными усами и длинной шевелюрой над огромным лбом, чем-то похожий на Бальзака, рассказывал что-то о международной политике. Это было в доме однокурсницы, за которой я ухаживал, и мой будущий тесть, сам журналист с отменным редакторским вкусом, заметил: «Женя, обратите внимание на Бовина. У нас он единственный настоящий политический аналитик».

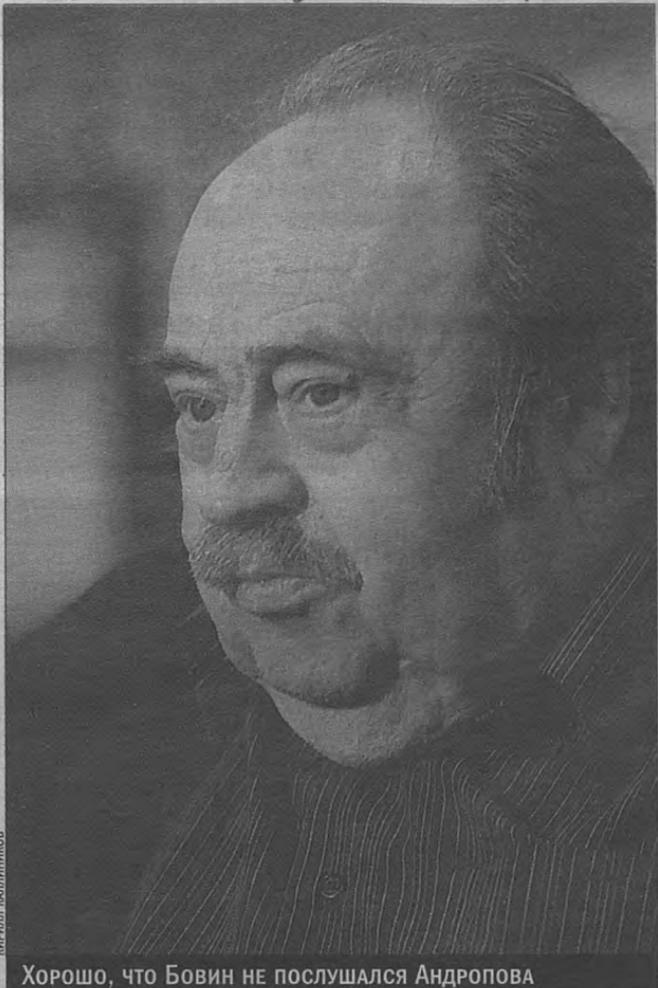
Это было году в 73-м. И с тех пор я старался не пропустить ни одной статьи Бовина в «Известиях», ни одной «Международной панорамы» с его участием.

«Панорама» выходила тогда на первом канале Центрального телевидения по воскресеньям, в шесть часов вечера, и была необычайно популярна. Для большинства советских граждан эта передача была одним из немногих окон в мир. В ней иногда какой-нибудь маститый репортер, известный коронным штампом про то, что «в Париж (Лондон, Нью-Йорк) пришла весна, но далеко не весеннее настроение у французских (английских, американских) трудящихся», мог неожиданно выдать нормальный, человеческий сюжет про то, как живут эти люди на самом деле.

Но когда «Панораму» выпадало вести Бовину (а у нее было несколько ведущих), в программе не было ничего интереснее, чем он сам, в неизменной рубашке без галстука, с распахнутым воротом. Если другие ведущие просто читали в кадре заранее написанный, выверенный до последней запятой текст, то Бовин размышлял вслух. Была какая-то магия в том, как простыми, понятными словами, будничным тоном, без всякого пафоса он объяснял, что на самом деле происходит в мире и вокруг нашей страны. Порой казалось, что Бовин импровизирует.

Гораздо позже, когда я сам пришел на телевидение, то узнал, что Александр Евгеньевич, или, как его за глаза называли, «дядя Саша», обладает феноменальной памятью и никогда не пользуется телесуфлером, но слово в слово воспроизводит собственноручно написанный комментарий. Он ломал каноны телевидения — считается, что ведущему нельзя долго говорить в кадре, а Бовина можно было слушать не отрываясь.

Он не был инакомыслящим, но единственный позволял себе самые неза-

КИРИЛЛ ВАЛЕНТИНОВ

Хорошо, что Бовин не послушался Андропова

Последний гусар

висимые суждения и оценки. Он тонко чувствовал время и раньше всех начинал говорить вещи, накануне еще невозможные. Помню, как в 1979 году, спустя несколько месяцев после исламской революции в Иране, Бовин произвел фурор статьей «С Кораном и саблей», в которой первым из наших обозревателей сказал, что к власти в Тегеране пришли никакие не революционеры, а мракобесы и экстремисты, и от этого всем еще не поздоровится.

Да и в наше, снова осторожное, время Бовин — не в пример многим — не боялся резких выражений. У кого, к примеру, нынче хватает смелости дать такую характеристику президенту, как однажды сделал Бовин: «Если в один флакон, предположим, поместить Немцова, а в другой — Проханова (знаете, конечно, кто такой Проханов?), потом слить их в одну бутылку и хорошенько взболтать, то получится Путин».

Раньше посвященные знали, что право на смелые высказывания — отчасти — было у Бовина потому, что он был лично знаком с Брежневым и Андроповым. Он много лет работал в ЦК КПСС советником, прежде чем его «ушли» в журналистику, и потом сохранял связи с сильными мира сего. Они продолжали его ценить, и поэтому начальство Бовина побаивалось. Все равно время от времени он попадал в опалу, лишался эфира — но всякий раз возвращался.

Эти отлучения Бовина от «Международной панорамы» и возвращения на экран в бурные 80-е служили нам всем своеобразным барометром политической погоды.

Бовин, при всей его сме-

лости, не был революционером. Он так однажды сформулировал свое кредо: «Галейран учил: политика — это искусство сотрудничать с неизбежностью... Предвижу возражения, упреки в приспособленчестве и цинизме. Трудно спорить. Так хочется надеть белые перчатки... Однако иногда приходится отступать, чтобы сохранить силы для последующего наступления».

Бовин всегда производил впечатление умного, сильного, уверенного в себе, свободного человека.

Только такой человек мог позволить себе ездить по Москве на крошечной «Оке» (это при бовинских-то габаритах!) и совершенно не испытывать по этому поводу никаких комплексов.

Он был похож чем-то не только на Бальзака, но и на Гаргантюа, обожал шампанское, любил вкусно, до отвала поесть, повеселиться в хорошей компании. Помню, как на НТВ мы снимали интервью с Бовиным для фильма об Андропове, и Бовин рассказал нам, что однажды могущественный шеф стал ругать его за «гусарство». Мол, пора остепениться, подумать о карьере. На что Бовин ответил: «Юрий Владимирович, ну какой у меня может быть карьерный потолок? Ну, посол. Ну, максимум замминистра иностранных дел. И вы хотите, чтобы ради этого я отказался от друзей, от посиделок, от увлечений, от всего, что я люблю?» Незадолго до смерти Андропова Бовин пришел навестить его в больницу, и умирающий генсек вдруг вспомнил тот давний разговор. «А ты знаешь, Саша, — сказал Андропов, — хорошо, что ты меня тогда не послушался». **МН**